

АРХИТЕКТУРА

УДК 726.2

Е. И. Кононенко

МЕЧЕТЬ ЮЧ ШЕРЕФЕЛИ В ЭДИРНЕ И ЕЕ МЕСТО В ОСМАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Государственный институт искусствознания,
Российская Федерация, 125009, Москва, Козицкий пер., 5

В историографии Османской империи выделяют «эпоху Эдирне» (конец XIV — первая половина XV в.), когда этот фракийский город служил европейской столицей государства. Несмотря на краткость этого периода и небольшие размеры города, здесь появились архитектурные памятники, нормативные для всей турецкой архитектуры. В мечети Юч Шерефели (1447) оказались соединены сразу несколько векторов поисков раннеосманских зодчих, использованы наработки мастеров соседних анатолийских княжеств, а также созданы основы композиции будущего типа «большой османской мечети». Кроме того, конструктивные особенности здания демонстрируют принципиально новые возможности мусульманской архитектуры. Однако это грандиозное сооружение явно превышало ритуальные нужды Эдирне и типологически не соответствует традиционным османским соборным мечетям (улу-джами). Каково действительное место данного памятника в истории османской архитектуры? Завершает ли он ранний этап эволюции архитектуры или открывает новый? Библиогр. 19 назв. Ил. 9.

Ключевые слова: османская архитектура, мечеть, Эдирне, архитектурная композиция, Синан.

E. I. Kononenko

UÇ ŞEREFELİ MOSQUE IN EDİRNE AND ITS PLACE IN THE OTTOMAN ARCHITECTURE

State Institute of Art Studies, 5, Kozitsky per., Moscow, 125009, Russian Federation

Scholars identify “the Edirne epoch” in the historiography of the Ottoman Empire as the period when this Thracian city served as the state’s European capital. Despite the brevity of the period and the small size of the city it hosts architectural monuments which became standards for the whole of Turkish architecture. The Uç Şerefeli mosque (1447) was at once the culmination of many currents pursued by early Ottoman architects and craftsmen using developments from surrounding Anatolian principalities and establishing the foundations of the future composition of the “great Ottoman mosque”. In addition, the design features of the building demonstrate the fundamentally new possibilities of Muslim architecture. However, this grand structure is clearly designed to suit more than the ritual needs of Ed-

irne and the typology does not correspond to the traditional Ottoman “conciliar” mosque (ulu cami). What is the actual location of the monument in the history of Ottoman architecture? Does it complete an early stage in the evolution of architecture or open a new one? Refs 19. Figs 9.

Keywords: Ottoman architecture, mosque, Edirne, architectural composition, Sinan.

Эдирне — древний Адрианополь — был взят османами в 1361 г. Султан Мурад I Худавендигар оценил удобное расположение города, наличие здесь укреплений и византийского дворца, сохранившиеся еще с римских времен дороги, ведущие к побережью Мраморного моря и городам Фракии. Эдирне превратился в форпост турецких завоеваний в Европе [1, p. 196; 2, p. 198–226]. Через три года султан перенес сюда свою ставку на время балканских походов, а поскольку походы практически не прерывались, Эдирне как место пребывания монарха и двора стал формальной столицей Османской империи и сохранял этот статус до «обретения» турками Константинополя в 1453 г.

Центром городской застройки оказался Старый дворец, возведенный на доминирующем холме (на месте будущей мечети Селимие), но до рубежа XIV–XV вв. фракийский город, окруженный военными лагерями, практически не рос. В начале XV в. столица обзавелась большой пятничной мечетью соответствующего статусу масштаба — *улу-джами* (нынешняя Эски-джами — «Старая мечеть»). Архитектурное развитие Эдирне началось только с 1413 г., после окончания «османского междоусобицы»¹ [3, p. 3]. Безусловно, оформление европейской (румелийской) столицы было тесно связано с архитектурой столицы анатолийской — старой Бурсы, ритуального центра государства, парадной резиденции семьи султанов и места их погребения, где отрабатывались и градостроительные идеи, и новые типы архитектуры (например, возрожденный в османском зодчестве тип *улу-джами*, мемориальные айванские мечети), и приемы декорации зданий.

Эдирне расцвел во второй четверти XV в. благодаря бурной строительной деятельности Мурада II и его сподвижников [2, p. 179; 3, p. 3]. На р. Тунджа был заложен комплекс Нового дворца (Сарайичи), планировка которого предвосхитила стамбульский дворец Топкапы [4, p. 121]. В самом городе сформировалось несколько больших *куллие* — благотворительных комплексов, традиционно включавших мечети, медресе и *имареты* (столовые); полдюжины имаретов были возведены в разных районах города по заказу военачальников и высших сановников [4, p. 122; 5, с. 75–78]. На полпути к Новому дворцу в 1422 г. была заложена мечеть Гази Михал, планировавшаяся как дервишеская обитель-*завие* и центр будущего *куллие*. На другой оконечности города в 1435 г. появилось *куллие* Мурадие, айванская мечеть которого отличается предельной типологической чистотой и редкой для раннеосманской архитектуры декорацией интерьера [4, p. 303–305; 6, p. 124–125].

Самым же грандиозным зданием, построенным османскими мастерами в правление Мурада II (если не в течение всего XV в.), является Новая мечеть Эдирне, известная как Юч Шерефели-джами (1437–1447) — «мечеть Трех балконов», получившая такое название из-за опоясывающих балкончиков (тур. *шерефе*), впервые появившихся на одном из ее минаретов в утроенном, вопреки функциональной необходимости, количестве (рис. 1).

¹ Период борьбы за власть наследников Баязида I после разгрома османов Тимуром в Ангорской битве 1402 г.

Рис. 1. Мечеть Юч Шерефели, Эдирне. Вид с юго-запада

Первый вопрос, который возникает в связи с возведением новой городской мечети, — о ее действительной необходимости. В центре столицы у подножия холма, на котором располагался дворец, а в середине XVI в. великим зодчим Синаном возведена мечеть Селимие, уже существовала крупная мечеть, вполне отвечавшая типологии улу-джамии, — нынешняя Эски-джамии. Еще одна огромная культовая постройка, появившаяся в центре не слишком-то большого города в без преувеличения шаговой доступности от уже существовавшей городской мечети в направлении загородной резиденции Сарайичи, явно превосходила обычные масштабы мечетей кулии, вокруг которых формировались новые кварталы, и не соответствовала планировке дервишеских обителей — ее нерасчлененное пространство предназначено не для уединения, но именно для коллективной молитвы. Г. Гудвин упомянул, что на этом месте могла существовать более ранняя мечеть [7, р. 97], однако проигнорировал вопрос о причинах, по которым размеры новой постройки превосходили не только другие мечети Эдирне, но и все до того момента существовавшие анатолийские сооружения. Вряд ли небольшая османская столица испытывала серьезную потребность в новых городских мечетях. Однако в любом случае Юч Шерефели-джамии демонстрирует и новый масштаб архитектуры, и новые потребности в пространстве мечети, и конструктивные возможности османского строительства.

Архитектором Юч Шерефели-джамии основоположник турецкого искусствоведения Дж. Арсевен считал мастера Кемалеттина, позже, в правление Мехмеда II Завоевателя, работавшего в Стамбуле, тем самым «повышая» значение данного памятника. Хроникер Рухи-и Эдирневи указывает в качестве строителя мечети некоего Уста Мюслихеддина [8, р. 146; 2, р. 182]. Однако зодчий мечети остается неизвестным.

Здание мечети занимает почти квадратный участок (65×67 м) на нивелированной цоколем террасе к западу от дворцового холма. В отличие от мечетей-*завие*, никаких айванов, *табхана* (комнат для размещения дервишей) и других дополнительных помещений здесь нет — перед архитектором стояла задача получения единого пространства большой городской мечети, и с этой задачей он справился блестяще. Правда в отличие от других уже существовавших улу-джами данная постройка обрastaет комплексом зданий, типичных для раннеосманского куллие, — медресе, кораническая школа, имарет (современные их сооружения — результат реставрации после землетрясения 1752 г.).

Прежде всего приходится отметить, что композиция мечети четко разделена на две части — закрытый молитвенный зал и открытый двор, окруженный галереей (рис. 2). Эта композиция обычна для «больших османских мечетей» XVI–XVIII вв., но в османской архитектуре возникает она именно в Юч Шерефели. Хотя наличие внешнего двора-*сахна*, по размерам превосходящего перекрытый зал, было обычно для арабских мечетей и именно с заимствования этого типа началось мусульманское зодчество Анатолии [9; 10], уже в XII в. в архитектуре анатолийских княжеств (за исключением земель Артукидов, примыкавших к Северной Сирии) происходила замена двора световым колодцем в интерьере; эта же модель была использована при формировании в XIII в. модели «официальной мечети» Сельджуков Рума [11]. В раннеосманской архитектуре XIV в. активно развивались два типа мусульманских молитвенных зданий — небольшая однокупольная мечеть-*месджит*, во многом использовавшая наработки византийского церковного зодчества, и «мемориальная» мечеть «типа Бурсы» с Т-образным расположением айванов, предназначенных для изолированных групп молящихся. Оба типа предполагали предварение интерьера портиком, получившим название *son cemaat yeri* — «место последней общины» (т.е. для опоздавших к началу молитвы) [12]. В начале XV в. в османской архитектуре был возрожден тип улу-джами — большой городской мечети «повышенной вместимости», «составленной» из одинаковых купольных ячеек, но и эти огромные здания обходились световыми колодцами в интерьере.

В интерьере Юч Шерефели-джами безусловно господствует огромный купол диаметром 24 м — самый крупный из созданных в Анатолии до того момента: диаметр куполов османских мечетей XIV в. редко превосходил 8 м, в Улу-джами Бурсы достиг 10,6 м, в Эски-джами в Эдирне — 13,5 м. Купол мечети Трех балконов поднят на поддерживаемый снаружи контрфорсами шестигранный барабан с 12-ю световыми проемами, опирающийся на выступы стен зала и две огромные опоры. Таким образом, архитектору в Эдирне понадобились лишь шесть точек опоры купола, между которыми переброшены широкие стрельчатые арки. Опорный шестиугольник оказался новацией османской архитектуры, такой планировочно-конструктивный прием будет использован во второй половине XV в. в храме греческого монастыря Дау Пендели и в стамбульских мечетях XVI в., в частности в Синан-паша-джами и Соколлу Мехмет-паша-джами (рис. 3).

Две опоры в интерьере не превращают широкий зал мечети Эдирне в двухнефный и благодаря своим шести граням воспринимаются обтекаемыми, подчеркивая безусловную доминанту подкупольного пространства, действительно гигантского по сравнению со всеми предшествовавшими зданиями. Благодаря балансу горизонтальных (карнизы опор) и вертикальных (границ опор и сталактитовые консоли

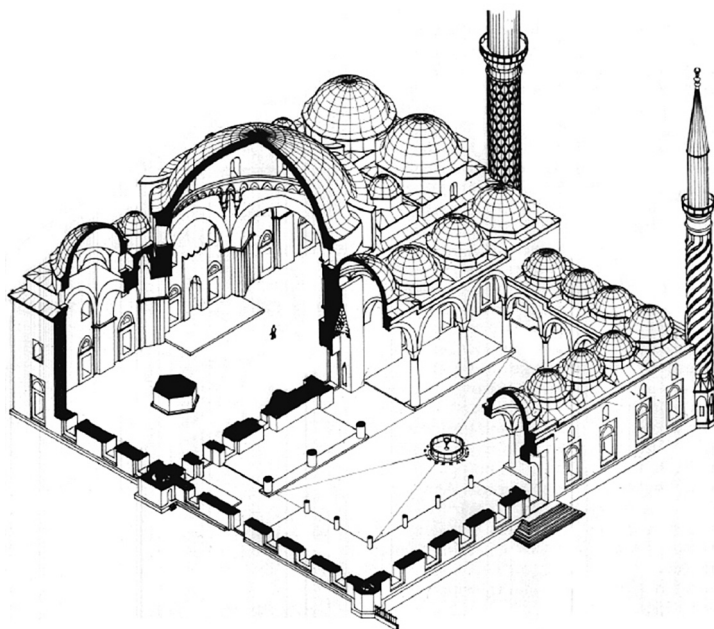

Рис. 2. Мечеть Юч Шерефели, Эдирне. Аксонометрия

Рис. 3. Мечеть Юч Шерефели, Эдирне. Подкупольное пространство

барабана) элементов пространство молитвенного зала оказывается уравновешенным и статичным, да оно и слишком велико, чтобы «растекаться» или устремляться вверх. На визуальное «расширение» пространства «работает» также светлый камень, из которого сложена мечеть, и благодаря отсутствию какой-либо декорации в нижней части интерьера огромные граненые столбы сливаются со стенами и выпадают из поля зрения сидящего на полу молящегося. Столбы в пятах арок имеют граненые выемки, также визуально облегчающие их массу, с остатками каллиграфических архивольтов.

Распор центрального купола по продольной оси передается на пристенные столбы и четыре контрфорса, фланкирующих центральный портал и михраб, а по поперечной — на стрельчатые арки, соединяющие свободно стоящие опоры и боковые стены здания. Архитектор был вынужден «играть» с сечением пристенных опор, развернутых под углом, «обозначая» в их кладке массивные колонны со сталактитовыми капителями (в этом можно усмотреть хорошее усвоение конструкции мечети в Манисе, о которой еще придется говорить). На переброшенные между опорами и стенами арки опираются четыре малых купола над угловыми ячейками, дополняющие пятикупольное перекрытие интерьера, и такое расположение куполов, оправданное для византийской крестово-купольной системы, для османской архитектуры также является новацией.

Западные и восточные пары ячеек воспринимаются как единые боковые крылья интерьера, фланкирующие подкупольное пространство, причем подобная композиция поставленных по одной оси квадратных купольных ячеек хорошо знакома по мечетям «типа Бурсы». Перекрытия угловых ячеек оказываются разными (зонтичный свод над юго-западной ячейкой, полноценные купола над остальными, различны и конструкции опор сводов — тромпы и закрытые сталактитами паруса), снаружи, однако, все перекрытия воспринимаются как купола на восьмигранных барабанах.

Особой проблемой для архитектора должны были стать треугольные ячейки, образуемые центральным шестиугольником и угловыми квадратами подкупольной ячейки. Проблема эта решена блестяще: в этих ограниченных мощными подпружками арками вытянутых по продольной оси здания треугольниках, заполненных сталактитами, поставлены световые барабаны, оказывающиеся дополнительным источником верхнего освещения, обеспечивающим равномерность света в интерьере. Установленные на них маленькие купола снаружи фланкируют главный купол мечети и дополняют ее многокупольную композицию, так же типичную для будущих османских построек (рис. 4).

Новшеством для турецких мечетей оказываются минареты Юч Шерефели-джами, поставленные по углам двора. До этих пор мусульманские культовые здания обходились максимум двумя минаретами, поставленными либо «на плечах портала», как в сельджукских медресе [13, с. 135], либо на углах фасада здания. Архитектор эдирнской Новой мечети не просто задает новый османский стандарт, фиксируя территорию двора четырьмя вертикалями, он создает очевидную городскую доминанту, с которой минареты Эски-джами и небольших куллии конкурировать не могли и которая и по сей день четко маркирует старый центр города. Стоит отметить, что при подъезде к Эдирне с запада, по Белградской дороге, главный минарет мечети, стоящий у северо-западного угла молитвенного зала и давший название

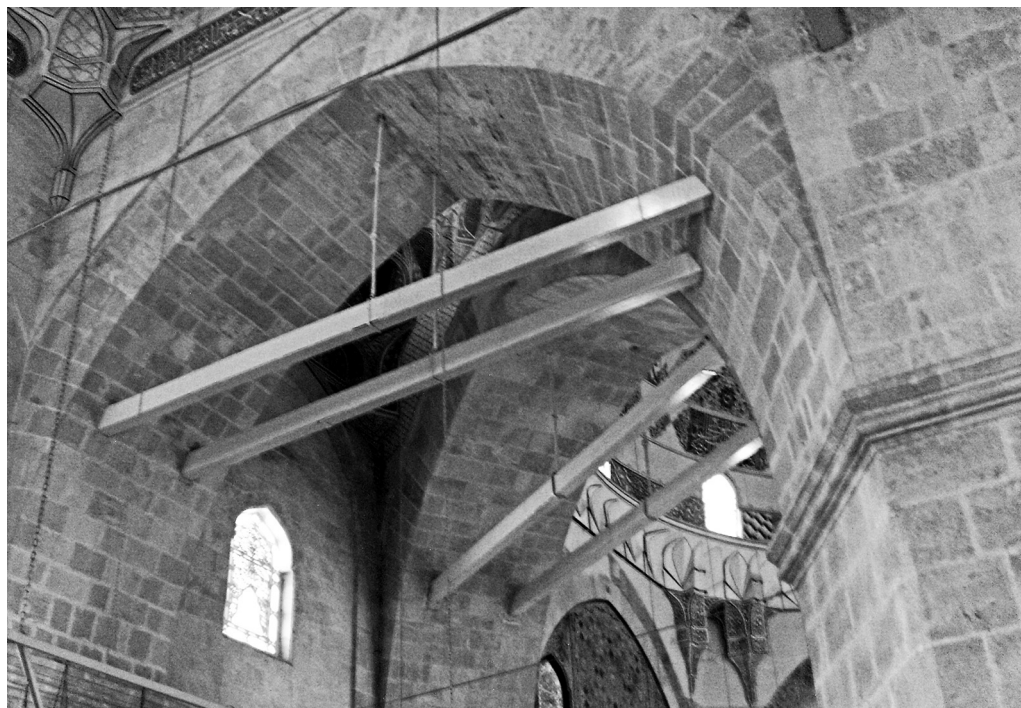

Рис. 4. Мечеть Юч Шерефели, Эдирне. Треугольные ячейки между подпружными арками

всему сооружению, воспринимается как пятый минарет синановской Селимие — уже такое «оптическое» выравнивание разновеликих и разновременных башен двух знаменитых мечетей Эдирне опровергает замечание Г. Гудвина о незначительном влиянии Юч Шерефели-джами на Синана. Более столетия, до возведения Селимие-джами, 67-метровый «трехбалконный» минарет оставался самым высоким в османском зодчестве, и конструкция его трех винтовых лестниц, ведущих каждая к своему балкону, долго оставалась уникальной.

Можно констатировать, что целый ряд черт Новой мечети Эдирне — единое купольное пространство молитвенного зала, опорный шестиугольник, пятикупольная композиция, наличие двора и расположение минаретов по его углам — оказался в османской архитектуре либо возвращением к забытой практике, либо принципиальным новшеством. Однако следует рассмотреть, какова была эта архитектурная практика и по сравнению с чем эти наработки оказываются новшествами.

Как уже было сказано, на фоне небольших раннеосманских квартальных *месджитов* и айванных мечетей «типа Бурсы» на рубеже XIV–XV вв. происходит возвращение к особому типу улу-джами — городской соборной мечети, на столетие практически вышедшей из анатолийской архитектурной практики после распада султаната Сельджуков Рума. Первой в этом ряду оказалась Улу-джами Бурсы (1400 г.), и по сей день остающаяся самым внушительным зданием старой османской столицы. Ее огромное пространство (60×50 м) «составлено» из 20-ти одинаковых ячеек, перекрытых одинаковыми куполами на парусах, опирающимися на крещатые столбы, выступающие из стен пилоны и укрепленные устои в углах —

всего 30 опорных точек, между которыми переброшены мощные стрельчатые подпружные арки. Не случайно Н. И. Брунов счел этот памятник «колонной мечетью в одежде византийской сводчатой системы» [14, с. 382]. Снаружи основания куполов закрыты восьмигранными световыми барабанами, причем барабаны среднего нефа оказываются выше — при равенстве диаметров куполов этот прием обеспечивает привычную доминанту центрального нефа, ведущего к михрабу. Колонный зал Улу-джами отчасти напоминает большие мечети XIII в. и даже имеет окулус над внутренним бассейном в северной части интерьера, но османский архитектор сделал то, что по каким-то причинам не решились сделать создатели «официальных мечетей» Сельджуков Рума, — расположить боковые входы в здание мечети на одной оси и акцентировать пересечение осей. Тем самым предпринимается очередной шаг к структурированию единого зального пространства мечети (рис. 5).

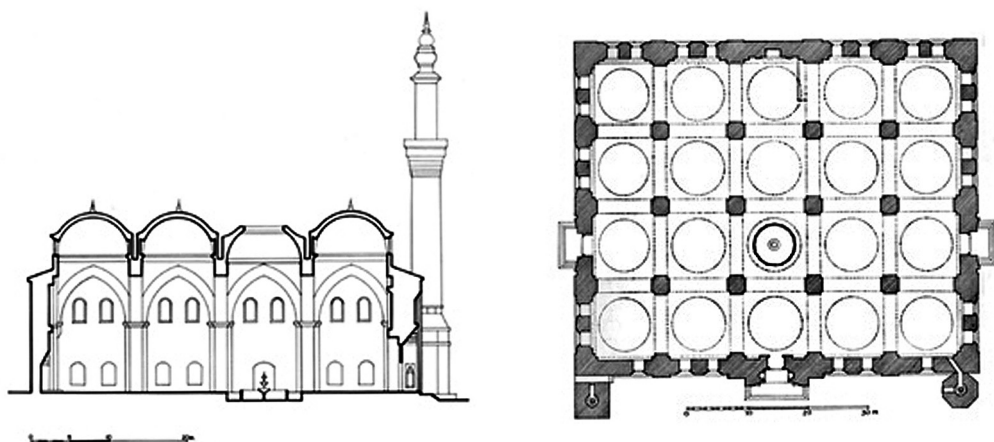

Рис. 5. Улу-джами, Бурса. Разрез и план

Кроме того, хотя величина арочных пролетов и диаметр куполов Улу-джами не превышают возможности сельджукской архитектуры полуторавековой давности, система стрельчатых арок создала конструктивный каркас, позволяющий разгрузить стены мечети и прорезать в них два яруса световых проемов, что дало возможность пропустить в огромный интерьер достаточное количество света, избавиться от полумрака в угловых ячейках и акцентировать пересечение осей и центральный неф.

Такая организация зала Улу-джами Бурсы была оценена современниками как несомненное достижение. Об этом свидетельствуют явные попытки воспроизвести знаковый прототип, например, при перестройке князьями Карамана старой сельджукской мечети в Аксараях (1409), предпринятой после караманидского набега на Бурсу. Однако румелийская столица Османов имела и собственную реплику соборной мечети столицы азиатской. Уже в 1403 г. в центре Эдирне, у подножия дворцового холма, была заложена большая городская мечеть, по замечанию Г. Гудвина, «последняя настоящая улу-джами, [воспроизводящая] тип Бурсы» [7, р. 55], в чем следует видеть недвусмысленную политическую претензию. Окончание «договора» (1414 г.) совпало с окончанием междоусобицы [3, р. 19–20].

Сравнение Эски-джами в Эдирне с более ранней Улу-джами в Бурсе показывает и иные возможности мастеров, и иные амбиции заказчиков. План представляет собой квадрат со сторонами 49,5 м, разделенный на одинаковые девять ячеек, однако перекрытие планировочных квадратов демонстрирует растущую уверенность раннеосманских мастеров в своих силах: если 20 куполов Бурсы имели диаметр 10,6 м, то в Эдирне мастера поднимают на мощные столбы купола диаметром в 13,5 м — сразу на четверть больше. План Эски-джами легко может быть получен из плана мечети Бурсы путем «сокращения» последнего за счет отсекаания северного и крайних боковых нефов, своего рода П-образного окружения сохраненных девяти ячеек центрального ядра (рис. 6).

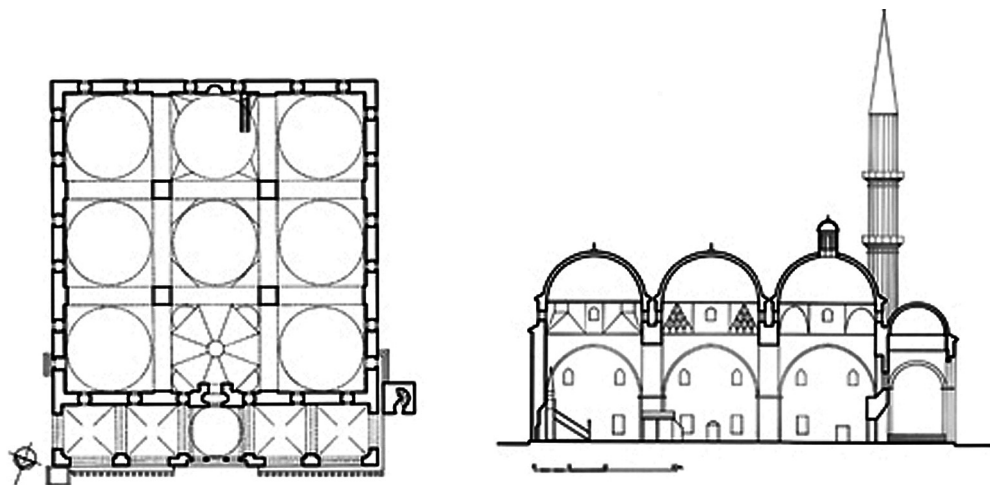

Рис. 6. Эски-джами, Эдирне. План и разрез

Правда, достигнутый в Бурсе эффект единого зального пространства не находит продолжения: интерьер Эски-джами распадается на совокупность отдельных огромных пространственных ячеек, и это впечатление подчеркивается квадратными в сечении столбами и пологими подпружными стрельчатыми арками с низко расположенными пятами. Кроме того, при равенстве диаметров куполов их конструкции оказываются разными: в боковых нефах использованы паруса, в центральном — тромпы на арках и закрытые сталактитами. Зал мечети двусветный, воспроизводится расположение световых проемов Улу-джами Бурсы, однако проемы и меньше, и разнесены шире, вследствие чего интерьер мечети Эдирне остается полутемным.

Таким образом, архитекторы мечети Эдирне, усвоив и «отложив» пространственные новации своих коллег в Бурсе, «пересматривают» накопленный османским зодчеством арсенал купольных конструкций, а сами размеры ее куполов, превышающие предшествовавшие образцы, должны считаться «пробой сил» перед последовавшим через три десятилетия перекрытием гигантского пространства Юч Шерефели-джами.

Необходимо указать, что ни Старая мечеть Эдирне, ни Улу-джами Бурсы не нуждались не только во внешних дворах, но даже в портиках для «последней общи-

ны», обычных для раннеосманских мечетей, — имеющийся пятичастный портик Эски-джами с барочной резной рамой был добавлен в ходе реставрации в середине XVIII в. [6, р. 157]. Источник двора в мечети Юч Шерефели следует искать вне османской архитектурной практики, но в пределах тех же хронологических рамок — в зодчестве анатолийских бейликов, более связанном с предшествовавшей сельджукской традицией [15, с. 121–125].

Так, в 1374 г. в Айясолуке (совр. Сельчук), принадлежавшем княжеству Айдын, была возведена Иса-бей-джами, демонстрирующая как строительные возможности бейликов, так и следование именно арабскому (конкретнее сирийскому) дворцовому типу мечети [7, р. 93]. Однако более явным источником памятника Эдирне является Улу-джами в Манисе (1368–1376), столице приэгейского бейлика Сарухан, характеризующаяся как «самая важная и интересная по планировке анатолийская мечеть XIV в.» [2, р. 289]. Ее площадь разделена на две почти равные половины — двор (29,9×16,9 м) и молитвенный зал (29,9×15,3 м), а план демонстрирует, что обе части идентичны и состоят из 28 квадратных ячеек каждая, со слиянием девяти ячеек в единое пространство, примыкающее к южным стенам двора и зала: в северной половине образуется двор, окруженный галереей, а в южной — большая ячейка, перекрытая куполом на тропях (рис. 7).

Октагональная конструкция почти 11-метрового купола опирается на южную стену и шесть массивных столбов, имеющих угол на внутренней стороне (этот же

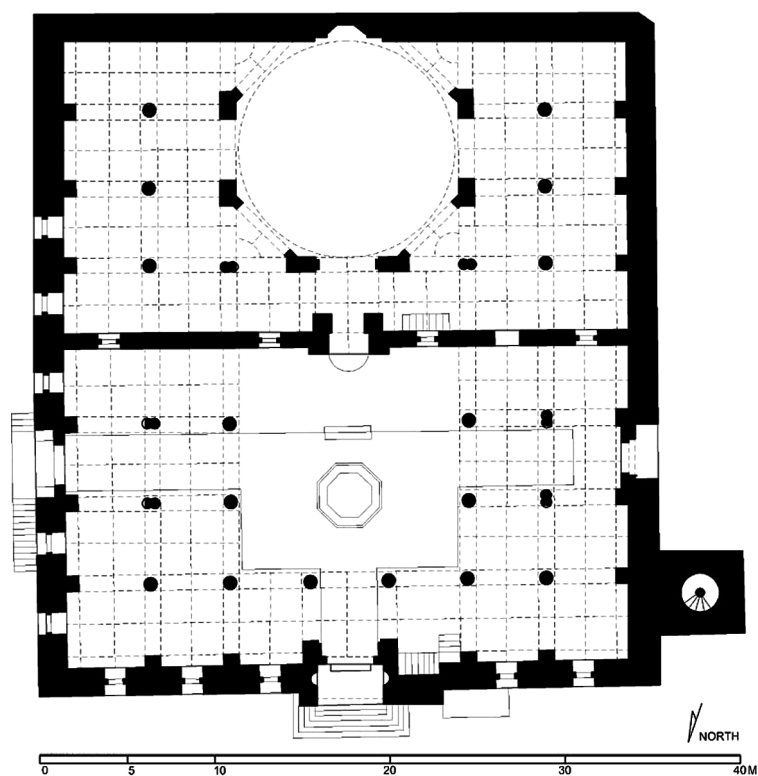

Рис. 7. Улу-джами, Маниса. План

прием будет использован в гексагоне Юч Шерефели-джами). Треугольные ячейки, образующиеся в углах квадрата, в который вписывается октагон, перекрываются лотками (аналогичные треугольники в эдирнской Юч Шерефели-джами использованы для установки световых куполов). Остальные 19 ячеек молитвенного зала перекрыты сомкнутыми сводами на стрельчатых подпружных арках.

Дворовая часть мечети имела три входа: главный, расположенный на михрабной оси и противоположный проходу в зал, и образующие поперечную ось входы на восточной и западной стенах. Таким образом закладывается осевая планировка двора, которая будет воспроизведена и в эдирнском памятнике, и во всех последующих «больших османских мечетях».

Г. Крейн отметил, что все элементы плана Улу-джами Манисы уже в той или иной степени существовали в анатолийской архитектуре [2, р.292], более того, и поперечная ориентация молитвенного зала, попасть в который можно только через двор, и сам открытый двор могут считаться архаизмами — именно от них старательно избавлялись архитекторы XII–XIII вв., превращая мечеть в продольную базилику и сливая пространства, открытое и закрытое, в зальном интерьере. Однако, используя элементы «архаической парадигмы», зодчие мечети Манисы объединили молитвенный зал и двор в единое и по высоте, и по пропорциям здание, уже самими размерами подчеркнув равенство двух частей сооружения, и обеспечили доминанту купола, подчинив подкупольному пространству боковые части интерьера.

В отличие от Улу-джами Манисы, где молитвенный зал и двор были равны по площади и одинаковы по пропорциям, в мечети Юч Шерефели двор оказывается больше закрытой части сооружения и представляет собой поперечно вытянутый прямоугольник, окруженный П-образной перекрытой куполами галереей, примыкающей к портику перед северным фасадом молитвенного зала (большая ее часть реконструирована в XVIII в.). Размеры здания позволяют сделать портик не из пяти, как в мечетях «типа Бурсы», а из семи ячеек, также перекрытых куполами на парусах со значительно повышенной центральной ячейкой. Три прохода, ведущие во двор, — центральный в середине северной стороны галереи и боковые, примыкающие к углам портика, — акцентированы более широкими и высокими стрельчатыми арками и куполами большего диаметра; подобное выделение входов во двор мечети также будет заимствовано османскими архитекторами классического периода.

Следует указать, что Улу-джами Манисы была безусловно, знакома архитекторам Мурада II: после присоединения земель Сарухана к османским владениям именно Маниса использовалась для своеобразной административной «стажировки» принцев, и сам Мурад II, на два года (1444–1446) уступив трон наследнику Мехмету II (будущему завоевателю Константинополя), удалился в бывшую столицу Сарухана. Обращение к саруханскому образцу в Новой мечети европейской столицы Османов было сознательным и привело не просто к развитию его новаций, но и к их сочетанию с конструктивными достижениями раннеосманской архитектуры и изменению типа соборной мечети (*улу-джами*).

Однако насколько правомерно отнесение мечети Юч Шерефели, лишившей Старую мечеть в Эдирне статуса *улу-джами*, к этому архитектурному типу? Уже говорилось о том, что этот статус не определялся ни размерами, ни местопо-

жением, ни архитектурными особенностями культовых зданий. Улу-джами как в сельджукской, так и в османской традиции следует рассматривать как носителей знаковой функции — своеобразные мемориалы, увековечивавшие память о военных победах мусульманских государств [16, с. 79–81]. Мечеть в Бурсе была построена Баязидом по обету после разгрома крестоносцев, но «цитировавшая» ее Эски-джами в Эдирне, заложенная после поражения османов от Тимура и законченная после «междоусобицы», оказалась памятником борьбы за «наследство Баязида»... У Новой мечети Эдирне было больше аргументов «отнять» у Старой статус улу-джами — к моменту ее закладки Мурад II мог похвастаться победами на Балканах, а к моменту окончания — разгромом объединенной армии европейцев под Варной, завоеванием Мореи и подавлением восстания в Албании [12, р. 18; 17, р. 60]. Правда, новаторские «три балкона» оказались более значимым поводом для урбонима, но название «улу-джами» к Старой мечети не вернулось.

Можно говорить о том, что на протяжении всей первой половины XV в., в течение которой Османское государство превращается в мировую державу и которая в турецкой историографии часто определяется как «эпоха Эдирне», раннеосманская архитектура проходит этап отбора образцов и кристаллизации идей, переносимых в памятники румелийской столицы. Параллельно с процессом рафинирования результатов османских архитектурных поисков XIV в. культовое зодчество решало и новые задачи, связанные с необходимостью большого вместительного пространства городских мечетей. Одним из вариантов решения этой проблемы являлись молитвенные залы, составленные из одинаковых купольных ячеек, — этот вариант появился в Улу-джами Бурсы и сразу же был повторен в Эски-джами Эдирне. Другое решение опиралось на архитектурные достижения интегрированных в османскую культуру западноанатолийских бейликов, откуда заимствованы и доминанта купола, и композиция молитвенного зала, предваренного двором с галереями. Юч Шерефели-джами является блестящей иллюстрацией этого варианта, исторически более перспективного (рис. 8).

Ни один исследователь турецкого зодчества не мог пройти мимо грандиозной постройки в Эдирне. При этом

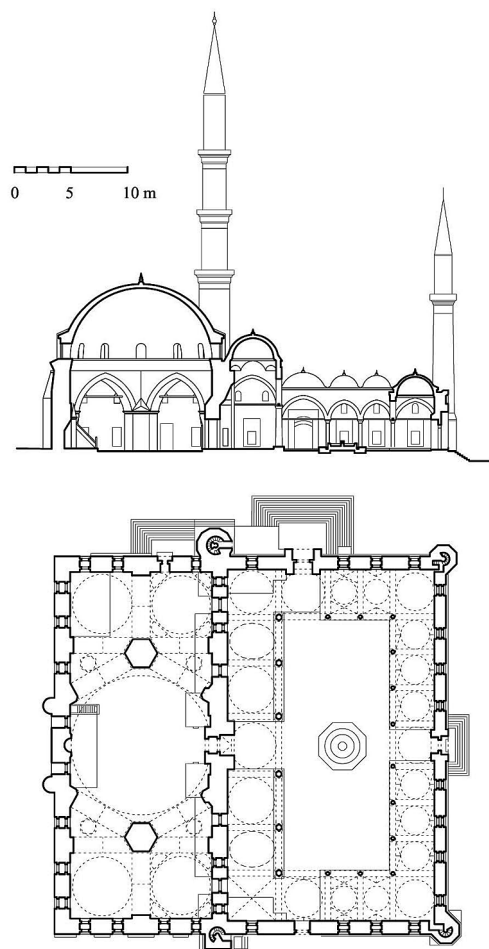

Рис. 8. Мечеть Юч Шерефели, Эдирне. План и разрез

все авторы были единогласны в оценке «мечети Трех балконов» как рубежного памятника в истории раннеосманской архитектуры, хотя его место относительно этого рубежа определяли по-разному. Ю. А. Миллер, создатель единственной отечественной монографии по искусству Турции, сдержанно охарактеризовал Юч Шерефели-джами как «еще один шаг на пути выработки собственных решений в османском зодчестве» [18, с. 14], турецкий исследователь культовой архитектуры А. Куран этот «шаг» уже назвал «смелым скачком» [6, р. 181], авторы американской «Энциклопедии Османской империи» отметили, что мечеть знаменует переход от ранней к классической османской архитектуре [1, р. 196]. М. Киль в «Кембриджской истории Турции» охарактеризовал «революционное» здание как «величайшее архитектурное предприятие на Балканах со времен Юстиниана» и присоединился к мнению знаменитого историка архитектуры Н. Певснера, считавшего, что эта во многих аспектах инновационная постройка так же предопределила развитие турецкой архитектуры в XVI в., как перестроенные аббатом Сугерием хоры аббатства Сен-Дени — возникновение готической архитектуры в Европе [2, р. 179, 182]. Другой кембриджский автор, Г. Крейн, счел Юч Шерефели-джами отправной точкой для будущих классических «больших османских мечетей» [2, р. 293].

Напротив, Г. Гудвин писал, что мечеть Эдирне особого влияния на того же Синана не оказала и что ее следует рассматривать скорее как кульминацию архитектуры периода бейликов, нежели как начало нового этапа в османской архитектуре [7, р. 97]. Г. Стерлин, выстраивая концепцию развития продольного пространства османских мечетей, оценил возвращение в Юч Шерефели-джами к поперечной ориентации молитвенного зала как «реакцию», шаг назад в некоей «генеральной линии» формирования турецкой архитектуры [19, р. 96–99].

Придется заметить, однако, что Синан, начинавший свою инженерную деятельность в Румелии и создавший именно в Эдирне мечеть Селимие (1569–1575), которую, согласно расхожей легенде, считал своим наиболее зрелым творением, просто не мог игнорировать имевшиеся здесь культовые здания. Кроме того, и в Селимие-джами, и в построенной во время ее возведения в Стамбуле мечети Сокоглу Мехмед-паша (1571–1572) Синан использовал опору купола на октагон и гексагон соответственно, вопреки развитию византийских планировок и планов-тетраконхов в его более ранних работах. Добавлю, что Синану пришлось работать и в Манисе, и местная Улу-джами, во многом повлиявшая на мечеть Юч Шерефели, была ему прекрасно известна.

Что касается «реакционности» поперечной планировки зала, то говорить о нормативности продольной организации пространства в османской культовой архитектуре XV в. не приходится: это характерно лишь для мечетей «типа Бурсы», и то если считать их центральную пониженную ячейку — имитацию двора между айванами — частью молитвенного зала. Османская архитектура и после «эпохи Эдирне» дает примеры «поперечно ориентированных» мечетей, и даже пространства первых больших мечетей новой столицы — Стамбула (Фатих, Эйюп Султан, Атик Али-паша, Баязид) не могут безоговорочно быть определены как «продольные» (рис. 9).

Вряд ли имеет смысл пытаться однозначно указать место Юч Шерефели-джами по ту или иную сторону некоего «водораздела», отделяющего раннеосманскую

Рис. 9. Мечеть Юч Шерефели, Эдирне. Двор

архитектуру от «классического» периода османского зодчества. В данном случае периодизация истории искусства, и даже одного конкретного вида искусства, не совпадает с политическими вехами, одной из наиболее значительных (причем более для европейской историографии) из которых является взятие османами Константинополя в 1453 г. Аналогично поражение Баязида при Анкаре в 1402 г. и начало «османского междоусобия» мало отразились на развитии архитектуры — нормативные памятники Бурсы, повлиявшие в том числе на строительные работы в Эдирне, появились до Ангорской битвы, и к новой фазе раннеосманской архитектуры должен быть отнесен, по-видимому, весь период правления Баязида I (1389–1402). Мечеть Трех балконов следует считать водоразделом, консолидирующим достижения раннеосманской архитектуры и создающим композиционную основу для сложения уже через несколько десятилетий «большой османской мечети».

Литература

1. Encyclopedia of the Ottoman Empire / ed. G. Agoston, B. Masters. New York: Facts on File, 2009. 650 p.
2. The Cambridge History of Turkey. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Vol. I. Byzantium to Turkey, 1071–1453. 542 p.
3. Dünkar A. Edirne. Istanbul: Reyos, 1983. 36 p.
4. Kuran A. A Spatial Study of Three Ottoman Capitals: Bursa, Edirne, and Istanbul // Muqarnas. 1996. Vol. XIII. P. 114–131.
5. Кононенко Е. И. Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении // Исламоведение. 2014. № 4. С. 73–79.
6. Kuran A. The mosque in early Ottoman architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968. 233 p.

7. Goodwin G. *A History of Ottoman Architecture*. London: Thames & Hudson, 2003 [1971]. 512 p.
8. Arseven G. *L'Art Turc depuis son origine jusqu'à nos jours*. Istanbul: Devlet Basimevi, 1939. 305 p.
9. Кононенко Е. И. Анатолийские мечети Великих Сельджуков: архитектурные и политические ориентиры // *Искусствознание*. 2015. № 3–4. С. 140–160.
10. Кононенко Е. И. Мечети Артукидов: почти забытая страница анатолийской архитектуры // *Художественная культура*. 2013. № 4 (9). С. 136–155.
11. Кононенко Е. И. Архитектурный заказ Сельджуков Рума как инструмент политической риторики // *Вестник СПбГУКИ*. 2016. № 2. С. 173–176.
12. Oğuz Z. *Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization*. Unpublished MA Thesis. Ankara: Middle Eastern Technical University, 2006. 125 p.
13. Кононенко Е. И. «Сельджукский портал»: архитектурная декорация как средство политической риторики // *Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение*. 2015. Вып. 1. С. 133–143.
14. Брунов Н. И. *Очерки по истории архитектуры*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003 [1937]. Т. 1. 398 с.
15. Кононенко Е. И. «Период бейликов» в истории турецкой архитектуры // *Новая наука: современное состояние и пути развития*. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. Ч. 2. С. 121–125.
16. Кононенко Е. И. Улу-джами: история, особенности, возможности // *Исламоведение*. 2016. Т. 7. № 2. С. 73–83.
17. Necipoglu G. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire*. London: Reaktion Books, 2005. 592 p.
18. Миллер Ю. А. *Искусство Турции*. М.; Л.: Искусство, 1965. 167 с.
19. Sterlin H. *Turkey from the Selcuks to the Ottomans*. London; New York; Tokyo: Taschen, 1998. 238 p.

Для цитирования: Кононенко Е. И. Мечеть Юч Шерефели в Эдирне и ее место в османской архитектуре // *Вестник СПбГУ. Серия 15. Искусствоведение*. 2016. Вып. 4. С. 36–51.
DOI: 10.21638/11701/spbu15.2016.403

References

1. *Encyclopedia of the Ottoman Empire*. Eds G. Agoston, B. Masters. New York, Facts on File Publ., 2009. 650 p.
2. *The Cambridge History of Turkey*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009, vol. I, Byzantium to Turkey, 1071–1453. 542 p.
3. Dünkar A. *Edirne*. Istanbul, Reyol Publ., 1983. 36 p.
4. Kuran A. A Spatial Study of Three Ottoman Capitals: Bursa, Edirne, and Istanbul. *Muqarnas*, 1996, vol. XIII, pp. 114–131.
5. Kononenko E. I. Faktor islamskoi blagotvoritel'nosti v turetskom gradostroenii [Factor of Islamic welfare in the Turkish urban planning]. *Islamovedenie [Islamic Studies]*, 2014, no. 4, pp. 73–79. (In Russian)
6. Kuran A. *The mosque in early Ottoman architecture*. Chicago, University of Chicago Press, 1968. 233 p.
7. Goodwin G. *A History of Ottoman Architecture*. London, Thames & Hudson Publ., 2003 [1971]. 512 p.
8. Arseven G. *L'Art Turc depuis son origine jusqu'à nos jours*. Istanbul, Devlet Basimevi Publ., 1939. 305 p.
9. Kononenko E. I. Anatoliiskie mecheti Velikikh Sel'dzhukov: arkhitekturnye i politicheskie orientiry [Anatolian Mosques of the Great Seljuks: Architectural and Political Landmarks]. *Iskusstvovoznanie [Art Studies Magazine]*, 2015, no. 3–4, pp. 140–160. (In Russian)
10. Kononenko E. I. Mecheti Artukidov: pochti zabytaia stranitsa anatoliiskoi arkhitektury [The Artukid Mosques: Almost Forgotten Page of Anatolian Architecture]. *Khudozhestvennaia kul'tura [Art & Culture Studies]*, 2013, no. 4 (9), pp. 136–155. (In Russian)
11. Kononenko E. I. Arkhitekturnyi zakaz Sel'dzhukov Ruma kak instrument politicheskoi ritoriki [The architectural patronage of the Seljuk of Rum as a tool of political rhetoric]. *Vestnik SPbGUKI [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture]*, 2016, no. 2, pp. 173–176. (In Russian)
12. Oğuz Z. *Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization*. Unpublished MA Thesis. Ankara, Middle Eastern Technical University Publ., 2006. 125 p.
13. Kononenko E. I. «Sel'dzhukskii portal»: arkhitekturnaia dekoratsiia kak sredstvo politicheskoi ritoriki [“Seljuq portal”: architectural decoration as the method of political rhetoric]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 15. Arts*, 2015, issue 1, pp. 133–143. (In Russian)
14. Brunov N. I. *Ocherki po istorii arkhitektury [Essays on the history of architecture]*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf Publ., 2003 [1937], vol. 1. 398 p. (In Russian)

15. Kononenko E. I. «Period beilikov» v istorii turetskoi arkhitektury [The “Beylik period” in the History of Turkish Architecture]. *Novaia nauka: sovremennoe sostoianie i puti razvitiia* [The New Science: the current state and development trends]. Sterlitamak, RITs AMI Publ., 2016, part 2, pp. 121–125. (In Russian)

16. Kononenko E. I. Ulu-dzhami: istoriia, osobennosti, vozmozhnosti [Ulu cami: history, features, facilities]. *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2016, vol. 7, no. 2, pp. 73–83. (In Russian)

17. Necipoglu G. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire*. London, Reaktion Books Publ., 2005. 592 p.

18. Miller Iu. A. *Iskusstvo Turtsii* [The Art of Turkey]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1965. 167 p. (In Russian)

19. Sterlin H. *Turkey from the Selcuks to the Ottomans*. London, New York, Tokyo, Taschen Publ., 1998. 238 p.

For citation: Kononenko E. I. Uç Şerefeli Mosque in Edirne and its place in the Ottoman architecture. *Vestnik SPbSU. Series 15. Arts*, 2016, issue 4, pp. 36–51. DOI: 10.21638/11701/spbu15.2016.403

Статья поступила в редакцию 15 июня 2016 г.;
рекомендована в печать 20 октября 2016 г.

Контактная информация:

Кононенко Евгений Иванович — кандидат искусствоведения; j_kononenko@inbox.ru

Kononenko Evgeniy I. — PhD; j_kononenko@inbox.ru